

DOI 10.32726/2411-3417-2026-1-84-104

УДК 94

Антон Крутиков

Русская революция в воспоминаниях минского губернатора В.А. Друцкого-Соколинского. II. Гражданская война

Аннотация. *Статья посвящена воспоминаниям князя В.А. Друцкого-Соколинского, занимавшего до марта 1917 г. пост минского губернатора, и охватывает период 1917–1920 гг. После перехода на военную службу и недолгой работы в советско-германской пограничной комиссии он оказался свидетелем последних дней режима гетмана П.П. Скоропадского в Киеве в декабре 1918 г., а в дальнейшем, служа в администрации Вооруженных сил Юга России под руководством генерала А.И. Деникина, был очевидцем и участником многих ключевых событий Гражданской войны. Друцкой-Соколинский оставил ценные размышления о роли российской интеллигенции, представителей бывшей имперской бюрократической элиты, дворянства и офицерства в поражении гетманского режима, обернувшимся катастрофой для местных консервативных сил. В своих мемуарах он подчеркивал значимую роль бывшей имперской бюрократии в организации административного аппарата на территориях, подконтрольных Добровольческой армии. Среди ключевых причин поражения Белого движения на Юге России были, по его мнению, ошибки в организации центральной и местной власти. В статье использованы неопубликованная рукопись воспоминаний за 1918–1919 гг. и уникальные документы из семейного архива, предоставленные автору потомками В.А. Друцкого-Соколинского.*

Ключевые слова: *В.А. Друцкой-Соколинский, П.П. Скоропадский, А.И. Деникин, Русская революция, Гражданская война, Добровольческая армия, русская эмиграция.*

От Февраля к Октябрю

Новая революционная власть не нуждалась в представителях российского губернаторского корпуса, что нашло отражение уже в первых распоряжениях Временного правительства, последовавших за отречением Николая II и великого князя Михаила Александровича. Постановлением правительства от 4 марта 1917 г. и циркулярным распоряжением премьера Г.Е. Львова от 5 марта губернаторы и вице-губернаторы были отстранены от должности, на их место были назначены губернские комиссары, подчиненные министерству внутренних дел [Революционное движение... С. 422]. Бывший минский губернатор В.А. Друцкой-Соколинский 7 марта передал дела председателю

Сведения об авторе: *КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, член Международного общества по изучению Первой мировой войны, bialyorzel1000@gmail.com.*

губернской земской управы Б.Н. Самойленко и принял решение о переходе с гражданской на военную службу. Для убежденного консерватора и сторонника монархических взглядов «состоять агентом новой власти» казалось невозможным, между тем его административный опыт мог оказаться полезным в военном ведомстве. Профессиональные компетенции Владимира Андреевича и его принадлежность к корпоративной среде бывшей имперской бюрократии указывали на единственно возможный путь — продолжение служения родине.

«Несмотря на отречение Государя и Великого Князя Михаила и уничтожение отсюда присяги, я сознавал явную несовместимость моей дальнейшей службы Временному правительству с моими личными взглядами и воззрениями. Поступление на военную службу, тем более во время войны, представлялось мне достойным выходом из сложного и тяжелого положения» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 227].

Из-за подозрительного отношения к представителям старой элиты и по соображениям личной безопасности В.А. Друцкой-Соколинский был вынужден покинуть Минск уже в марте 1917 г. После недолгого пребывания в Могилеве среди знакомых ему чинов Ставки он выехал в Петроград. Формально бывший губернатор еще оставался в штате министерства внутренних дел, и ему необходимо было выяснить вопрос о своей отставке и зачислении на военную службу. Владимир Андреевич считал своим долгом представиться новому министру внутренних дел (и одновременно главе правительства) князю Г.Е. Львову. Эта формальная встреча продлилась менее минуты и убедительно показала невозможность сотрудничества новой власти и чинов прежнего губернаторского корпуса. О «бывших людях» в Петрограде еще не было принято окончательного решения: циркулировали слухи о намерении правительства отправить всех губернаторов рядовыми в войска, минуя запасной батальон, альтернативная точка зрения считала их «вредным элементом», который следовало вовсе отстранить от военной службы [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 252]. Лишь 25 апреля Друцкой-Соколинский получил циркулярное письмо товарища министра внутренних дел Д.М. Щепкина, уведомлявшего о решении Временного правительства предложить всем губернаторам и вице-губернаторам подать к 1 мая прошение об отставке [Там же].

Наблюдая перемены, произошедшие в министерстве внутренних дел, Друцкой-Соколинский с сожалением отмечал близорукость многих своих бывших коллег, с энтузиазмом воспринявших революционный переворот. По его свидетельству, в бюрократической среде были широко распространены идеи «официального либерализма», что не только подготовило ее к принятию февральского переворота, но и сделало в известной степени его социальной базой. В первые недели и даже месяцы революции значительные административные ресурсы министерства были потрачены на обработку и регистрацию «десятков тысяч телеграмм, главным образом поздравительных, поступивших на имя Временного правительства от его поклонников со всех концов России» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 235]. На фоне этой бесполезной работы демонтаж старого государственного порядка, который последовательно осуществляло Временное правительство, оставлял после себя управленческий вакуум, немедленно

заполняемый революционной стихией. Государственная власть отдала Россию в руки «революционной демократии» и, «не имея веры в саму себя, не доверяя своей силе и не чувствуя корней, соединяющих ее с народом, боялась сделать решительный шаг, принять меры для своей личной безопасности и самого существования» [Там же. С. 254].

В таких обстоятельствах для бывшего губернатора и юриста не оставалось иного пути, как выполнить требование закона о воинской обязанности и явиться к ближайшему воинскому начальнику. 2 мая 1917 г. В.А. Друцкой-Соколинский был зачислен рядовым на военную службу и определен в штаб Минского военного округа, прекрасно знакомый ему по прежней губернаторской деятельности. 5 мая он навсегда покинул Петроград. Радикальное изменение в его карьере находилось в полном соответствии с новыми формами «социальной мобильности», принесенными революцией. От других нижних чинов его отличала только английская униформа, заранее приобретенная в Петрограде, с «золотым правоведским знаком с императорской короной на одной стороне груди и со знаком Красного Креста с такой же короной — на другой» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 260].

Генерал А.Е. Эверт, узнав о необычной истории назначения бывшего губернатора и камергера рядовым в штаб округа, предложил направить Владимира Андреевича, как профессионального юриста, в Минский военно-окружной суд (расположенный в Смоленске), где могли быть эффективно использованы его знания. С июля 1917 г. В.А. Друцкой-Соколинский занимал должность помощника военного прокурора Минского военно-окружного суда. В своих воспоминаниях Владимир Андреевич отмечал не только неуклонное разрушение военной дисциплины и показную мягкость судебных приговоров (большая часть судебных дел касалась случаев дезертирства), но и проникновение революционных порядков в российскую провинцию. Смоленск в период между февралем и октябрём 1917-го пытался жить обыденной жизнью, хотя революционная действительность все более расходилась с представлениями самых убежденных сторонников Временного правительства. По словам Друцкого-Соколинского, обыватели «не учитывали и не понимали всей глубины и всего действительного значения произошедшего государственного переворота и легкомысленно полагали, что последовавшее в течение двух месяцев изменение многовековой русской истории закончилось окончательно и новых дальнейших эволюций, а тем более революционных потрясений не произойдет. Некоторые, правда, смущались черным знаменем с Адамовой головой, развевавшимся на здании одной гостиницы на Благовещенской улице, где расположился штаб анархистов, но на это явление смотрели как на революционную накипь, как на неизжитое еще последствие минувшего революционного угара» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 272].

В Смоленске бывший губернатор часто беседовал с генералами А.Е. Эвертом и М.В. Алексеевым, которые лишь после своей отставки и удаления с фронта пришли к осознанию глубины произошедшей национальной катастрофы. Согласно мнению генерала Алексеева, высказанному в письме новому военному министру А.Ф. Керенскому в мае 1917 г., в первые два месяца революции дисциплина на фронте и в тылу исчезла:

«Лишение власти начальников всех степеней, отсутствие какого-либо суда, а тем более скорого, полная безнаказанность виновных солдат делают свое разрушительное дело» [Письмо генерала Алексеева... Л. 1]. Генерал указывал на важную социально-психологическую особенность поведения солдатской массы, в основном состоявшей из бывших крестьян, привыкших к коллективной власти общины и не признававшей индивидуальной ответственности. В армейской среде как в огромном коллективе в полной мере сохранились социальные механизмы, присущие российской общинной организации, одним из которых было коллективное действие: «Голоса лучших солдат тонут в этом омуте беспорядка. Готовые повиноваться терроризируются массой» [Там же]. М.В. Алексеев бросал серьезные обвинения новой власти, считая временное торжество «революционной демократии» несовместимым с задачами национальной обороны. «Все это — неизбежный результат законоположений последнего времени, разрушивших основы дисциплины в армии, и вмешательства во все отрасли службы и деятельности войск безответственных комитетов, советов и т.п.» [Там же].

В июле 1917 г., на фоне провала летнего наступления, М.В. Алексеев информировал А.Ф. Керенского, только что возглавившего Временное правительство, о проведенных им «беседах с представителями союзных армий» в штабе Верховного главнокомандующего: «В силу ранее установившихся отношений я имел возможность выслушать их откровенное слово, их опасения за пригодность нашей армии, вследствие печальной утраты дисциплины, к какой-либо боевой деятельности и за возможную утрату Россией всякой ценности в качестве союзника, если не будут приняты меры к возрождению армии» [Письмо генерала Алексеева... Л. 5].

Фактически в Смоленске оказались сосредоточены значительные интеллектуальные силы российской военной элиты, тщетно стремившиеся развернуть политику Петрограда в сторону восстановления порядка и боеспособности армии. Выступая теперь в качестве «экспертов», находившиеся в Смоленске генералы, сыгравшие ранее заметную роль в отречении Николая II, призывали Временное правительство немедленно предпринять шаги к восстановлению дисциплины на фронте, прежде всего путем отмены пресловутой «декларации прав солдата» [Керенский. С. 1]. Однако осознание разрушительных последствий революции пришло к российскому генералитету слишком поздно, а после поражения выступления генерала Л.Г. Корнилова в конце августа 1917 г. каста высших военачальников в глазах революционных кругов была окончательно скомпрометирована.

«С ликвидацией корниловской эпопеи обывательская жизнь в провинции потекла вновь тихо и серо. Столичные газеты не переставали отмечать быстрый рост влияния сидевшего в Смольном совета солдатских и рабочих депутатов, и было очевидным, что открытое выступление Смольного против Временного правительства является лишь вопросом времени» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 276].

В Смоленске захват власти большевиками произошел практически одновременно с переворотом в Петрограде. Владимир Андреевич принял решение оставаться на службе в военно-окружном суде до последней возможности, несмотря на чрезвычай-

ные обстоятельства. «Эта служба прикрывала меня и мое дореволюционное прошлое и если и не скрывала его окончательно от бдительных большевистских глаз, то легализовала мое проживание именно в Смоленске, позволяя ходить по улицам, имея официальные личные документы в кармане. Кроме того, моя служба продолжала снабжать меня обильными пайками, а этим в те времена пренебрегать не приходилось» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 276].

Большевистский переворот и заключение Брестского мира в марте 1918 г. поставили перед «бывшими людьми» вопрос об организации сопротивления. Углубление «классовой борьбы» в большинстве регионов России постепенно принимало характер гражданской войны. Среди офицеров и бывших чиновников основные надежды сконцентрировались вокруг Добровольческой армии, но о ней в Смоленске почти не было никаких известий. В августе 1918 г. В.А. Друцкой-Соколинский решил посетить Москву и попытаться установить контакты с действовавшими в столице законспирированными группами «белых».

«Существовавшие тогда в Москве противобольшевистские центры, куда я проник без всякого затруднения, что убедило меня в плохой организации самой конспирации, находились в бесконечных переговорах между собой по поводу деталей и мельчайших частных своих программ и тактики. Короче говоря, в этот мой приезд в Москву я увидел картину, ставшую фатально характерною для российской политической жизни со дня государственного переворота 1917 года. Люди были в разговорном экстазе и с парализованной способностью к активной деятельности и работе» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 295].

Побег от революции

После ареста органами ВЧК в Смоленске по ложному доносу (Владимира Андреевича приняли за его предшественника на посту минского губернатора А.Ф. Гирса, в прошлом жестоко расправившегося с революционерами), Друцкой-Соколинский принял окончательное решение вместе с семьей покинуть контролируемую большевиками часть России. Для него было очевидно, что никакой защиты от «шемякиного суда», созданного революцией для борьбы с классовыми врагами, не существовало. Бывший губернатор планировал перейти проходившую под Оршей демаркационную линию и через германскую зону оккупации попасть на Дон, к генералу А.И. Деникину. Близость Смоленска к новой «границе», отделявшей подконтрольную советской власти территорию от оккупированных западных губерний, облегчала этот план.

«Замышляя побег свой из советской России, в которой, я знал, меня рано или поздно, но заставят служить коммунистической власти, я хотел воспользоваться германской оккупацией лишь как единственным путем, ведущим меня в белые организации, но я никогда не мыслил обосноваться в этой оккупации и найти в ней и в немецких штыках себе защиту и обеспечение личной безопасности от коммунистической власти» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 293].

Обязательным условием освобождения бывшего минского губернатора из ВЧК было его формальное трудоустройство в одном из советских учреждений. В октябре 1918 г. начался короткий период службы В.А. Друцкого-Соколинского в одной из советско-германских пограничных комиссий, учрежденной на участке демаркационной линии между Витебском и Полоцком. Целью подобных структур, организованных для реализации положений Брестского мира, было предотвращение «возможных столкновений между германскими оккупационными войсками, с одной стороны, и русскими войсками, должностными лицами и населением — с другой» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 307]. Для Владимира Андреевича с его знанием немецкого языка получить должность председателя такой комиссии оказалось несложным. Прибыв на линию разграничения, он был поражен практически полным отсутствием какой-либо организации пограничной охраны и таможенной службы. В приграничной полосе процветала контрабандная торговля, местное население целиком зависело от товаров, получаемых из германской оккупационной зоны. Местный комендант и другие носители большевистской власти не только не препятствовали планам побега, но, как представители «интеллигентного класса», сочувственно относились к бывшему губернатору и смогли оказать ему посильную помощь. Комендант лично указал Владимиру Андреевичу наиболее безопасный способ перевезти в германскую зону имущество и семью. «Разысканный мною затем агент контрразведки Петров изъявил полную готовность подыскать нужного человека для переправки моих вещей в немецкую оккупацию» [Там же. С. 314].

В.А. Друцкой-Соколинский описал порядки, царившие на подконтрольной большевикам территории и в значительной мере облегчившие его побег. Возможности революционной власти по идеологическому контролю даже среди ее сторонников, как оказалось, были далеко не безграничны. Владимир Андреевич говорил об «исключительном внимании и маскированном, но ясно выражавшемся покровительстве», которое демонстрировали некоторые местные чиновники «к отдельным представителям буржуазного класса» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 314]. По его мнению, это было следствием глубокого расхождения между декларируемыми целями и промежуточными итогами революции, разрушавшего доверие к ней в том числе среди советских и партийных работников.

«После овладения в октябре 1917 г. государством, по мере того как сама жизнь властно отрывала отдельные листочки от победного венка русского коммунизма и советская власть помимо своей воли, примеряясь к жизни, к обстановке и к окружавшим ее обстоятельствам, вынуждена была сама, по собственному почину последовательно отказываться от ряда краеугольных принципов программы своей партии (вернуться к обязательной военной службе, восстановить командный состав в армии по назначению, приостановить социализацию городских недвижимостей и т.д.). Так же постепенно и отдельные партийные работники [...] стали задумываться над жизнеспособностью исповедуемой ими идеи и постепенно терять веру в длительность царящего пока в некоторых кругах добросовестного увлечения этой идеей» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 314].

В конце октября 1918 г. В.А. Друцкой-Соколинский вместе с семьей навсегда покинул большевистскую Россию. После допроса в германской контрразведке, в ходе которого Владимир Андреевич отказался сообщить сведения о Красной армии, бывший минский губернатор вновь вернулся в город, который покинул ровно полтора года назад, в марте 1917 г. «Я застал Минск затопленным немецкими войсками, — вспоминал он, — все улицы, кафе, трамваи, кинематографы, все было забито пыльно-серыми мундирами. Обитатели растворились в этой однообразной массе, и Минска, милого русского Минска, не стало» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...]. В Минске Владимир Андреевич впервые получил подробные сведения о революции в Германии и скором уходе немцев из бывших губерний Западного края, что грозило разрушить его планы добраться на Дон напрямую через германскую зону оккупации. Эвакуация германских войск неизбежно означала расширение территории, охваченной Гражданской войной, и превращение соответствующих западных губерний в новый театр военных действий. «Между тем события шли с головокружительной быстротой, и к концу недели определенно выяснилось угрожающее положение железнодорожной линии Жлобин — Гомель, которую большевики старались перервать, чтобы тем самым лишить Минск главной артерии, соединявшей его с югом. Было ясно, что надо уезжать, и уезжать как можно скорее» [Там же].

Для получения разрешения на проезд в Киев В.А. Друцкой-Соколинский направился к командующему германской 10-й армией генералу Эриху фон Фалькенхайну, чья резиденция находилась в бывшем губернаторском доме. «Встретивший меня дежурный офицер, которому я передал мою визитную карточку, приписав на ней карандашом по-немецки *Ex-gouverneur von Minsk*, через минуту вернулся и, спросив меня, не хочу ли я предварительно изложить мое дело начальнику штаба, ввел меня затем в приемную комнату, куда сейчас же вышел ко мне высокий пожилой генерал с орденом на шее, кажется *Pour le Mérite*. С первых моих слов начальник штаба выразил свою полную готовность разрешить мне, в виде особого исключения, проезд до Киева через Лунинец — Сарны и тут же по телефону сделал необходимое распоряжение, попросив меня сейчас же отправиться к начальнику военных сообщений, который и выдаст мне необходимую бумагу и сообщит коменданту станции» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...]. В свою очередь, генерал Фалькенхайн просил бывшего минского губернатора сообщить сведения о большевистской России, которые могли быть полезны его штабу. Впрочем, Владимир Андреевич заметил, что германская контрразведка была хорошо осведомлена о происходящем по ту сторону границы [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 316-317].

Беседа с германскими генералами привела В.А. Друцкого-Соколинского к мысли об очевидных параллелях между революциями в России и Германии. Сходство сценариев крушения двух империй подчеркивали и его собеседники. Германия — противник в мировой войне — олицетворяла для бывших представителей российского правящего класса идею «европейской цивилизации» и гражданского порядка, утраченных в большевистской России. На германскую оккупацию, как на военный и политический фактор, возлагали надежды лидеры антибольшевистских правительств, возникших на

окраинах бывшей империи, — например, режим генерала П.П. Скоропадского в Киеве и правительство донского атамана П.Н. Краснова. Тем поразительнее выглядела скорость распада германской военной машины на оккупированных территориях, когда недавний грозный противник оказался в том же положении, что и Россия.

«Перед глазами этих генералов был яркий пример России, — отмечал Владимир Андреевич, — бившейся в смертельных судорогах в грязных большевистских руках и заболевшей между тем совершенно при тех же условиях и в тех же формах, при каких ныне занемогла Германия. И эти сильные типичные представители тевтонской расы, гордые своей культурой, привыкшие свысока третировать молодую славянскую народность, конфузливо, именно конфузливо опускали глаза от осознания, что их великая культура и несравненное национальное самосознание не спасли их народа от революционного вихря, ими же развитого в России, и трагично поставили их, старых культуртрегеров, на одну доску с нами — нищей, по их мнению, нацией. Как проклинали, вероятно, они своих близоруких политиков, не предусмотревших вероятия заразы Германии от привитой ими же России болезни и не предусмотревших возможное ослабление сопротивляемости народа революционному натиску партий, нашедших себе могущественную поддержку в огромной усталости от войны, охватившей Германию» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Бывший минский губернатор был далек от идеализации германской военной машины, однако, беседуя с высшими военачальниками 10-й армии в штабе генерала Фалькенхайна, он мог предвидеть разрушительные последствия эвакуации германских войск и неизбежного прихода большевиков. Его желание присоединиться к одному из общероссийских центров Белого движения стало главной мотивацией исключительного по сложности и длительности путешествия через охваченный Гражданской войной юг России. Пережив несколько последовательных «эвакуаций», Друцкой-Соколинский побывал в Киеве, Одессе, Севастополе, Новороссийске и достиг Екатеринодара в апреле 1919 г. Его воспоминания отразили важнейшие военно-политические и социальные потрясения революционного времени.

Последние дни гетманской Украины

Прибыв вместе с семьей в Киев в декабре 1918 г., В.А. Друцкой-Соколинский стал свидетелем последних дней режима гетмана П.П. Скоропадского и крушения проекта гетманской Украины, на которую возлагали надежды многие подобные ему беженцы из большевистской России. В 1918 г. на короткий период Киев стал уникальным государственным центром, объединившим тысячи представителей бывшей имперской элиты: петербургских сановников, политиков Думы и Государственного Совета, сенаторов, банкиров, генералов и офицеров, дворянство и интеллигенцию. Далеко не все из них поддерживали гетманское правительство, которому во многом были обязаны жизнью; обвинения в «сепаратизме» и критика сотрудничества с кайзеровской Германией преобладали среди общерусских партий и общественных союзов в Киеве.

В своих мемуарах Владимир Андреевич оставил ценные свидетельства о роли российской интеллигенции, представителей бывшей имперской бюрократии, дворянства и офицерства в поражении гетманского режима, ставшем катастрофой для местных консервативных антибольшевистских сил. По мнению Друцкого-Соколинского, благородная идея сохранения верности союзникам в быстро меняющихся условиях Гражданской войны выглядела проявлением политического идеализма. Именно кайзеровские войска до начала ноябрьской революции в Германии обеспечивали единственную реальную опору гетманской власти.

Режим гетмана представлял собой опыт социально-политической реставрации, он в значительно большей степени опирался на идеологию русского консерватизма, чем на национальные украинские начала [Артизов, Иванцова. С. 26]. Гетманат П.П. Скоропадского отменил все социальные новации, принесенные Временным правительством и украинской Центральной Радой; он воссоздавал правовой порядок и институты дореволюционной России и потому нуждался в консолидированной поддержке наиболее здоровой части общества. Между тем в кабинете гетмана не было ни одной крупной общероссийской политической фигуры. Пост премьера занимал «старосветский помещик» Ф.А. Лизогуб — землевладелец Черниговской губернии, бывший земский деятель и личный секретарь наместника Кавказа великого князя Николая Николаевича. По словам Скоропадского, достоинством главы кабинета было умение производить «благоприятное впечатление, особенно на иностранцев, тем более, что он хорошо говорил по-французски» [Скоропадский. С. 162]. Украинского языка октябрист Лизогуб не знал, для национальных украинских партий премьер был безнадежно «правым», а для общероссийских политических сил, особенно монархистов — недостаточно консервативным.

«Даже в период наибольшего расцвета гетманщины, — утверждает Друцкой-Соколинский, — русская интеллигенция отнюдь не явилась оплотом новой власти и теми естественными, казалось бы, деловыми кадрами, на которые гетман мог бы рассчитывать. [...] Все эти сотни и тысячи лиц бывшей имперской служилой аристократии, съехавшиеся тогда под крылышко украинского гетмана, отнюдь, как я уже сказал, не явились оплотом этой власти и не помышляли об укреплении ее, вливая в нее свой опыт и знания государственной механики, но всецело поглощены были устройством своих личных дел и обеспечением своего материального благополучия» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Из-за негативного отношения старой русской бюрократии к новому украинскому строю (несмотря на внешнюю реставрацию прежних имперских порядков) у власти в Киеве оказались лица «самых посредственных деловых качеств, а зачастую и сомнительной нравственной репутации» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...]. Это проявилось, в первую очередь, в дисфункции правительства — Совета министров, организованного на основе дореволюционных российских законов и управленческих практик.

Идея восстановления законности, которой было привержено гетманское правительство, в условиях Гражданской войны оказалась нереализуемой и опасной для самого

его существования. Освобождение из тюрьмы лидера украинских социалистов С.В. Петлюры 12 ноября 1918 г. при участии министра юстиции В.Е. Рейнбота стало первым в череде трагических событий, приведших к падению гетмана. Знакомый с подробностями этой истории В.А. Друцкой-Соколинский критиковал юридический формализм в действиях министерства юстиции, не нашедшего «законных оснований» для ареста главного политического оппонента Скоропадского. Характерно, что сам В.Е. Рейнбот объяснял слабость администрации гетмана теми же причинами: «Не могло Министерство воспользоваться некоторыми испытанными уже в дореволюционной России администраторами, ибо большинство из них все еще с опаскою смотрели, допустимо ли с точки зрения этики русского патриота принимать участие в укреплении объявившей себя самостоятельной гетманской Украины» [Воспоминания В.Е. Рейнбота... С. 74].

Противник гетмана С.В. Петлюра был освобожден, так как в гетманском законодательстве не существовало оснований для его ареста, и немедленно возглавил антигетманское восстание. В эмиграции В.Е. Рейнбот принял на себя всю ответственность за этот непродуманный шаг, цитируя известное изречение «*inter arma leges silent*» [1]. «Рейнбот уступил настояниям гетмана и премьера, — писал он о себе, — но не они несут ответственность, вся вина всю свою тяжесть остается лежать на Рейнботе. Если героические, волевые действия были ему не по плечу, он не смел принимать должности, требующей воли, решимости, самоуверенности и еще воли. Рейнбот точно забыл, до чего довели Великую Россию нерешительность, уступчивость и безволие Временного правительства. Наглядный, свежий, исторического масштаба урок для него пропал даром» [Воспоминания В.Е. Рейнбота... С. 104].

Однако решающую роль в успехе вооруженного восстания против власти П.П. Скоропадского играли элементы заговора, удивительным образом напоминающие обстоятельства падения российской монархии в феврале — марте 1917 г. в Петрограде. Быстрый крах гетманского режима стал возможен благодаря предательству высших военных. Ключевой фигурой заговора стал генерал А.В. Осецкий, начальник оперативного отдела Генерального штаба, обеспечивший тайную перевозку С.В. Петлюры в Белую Церковь, ставшую центром восстания. К восстанию присоединились также генерал А.П. Греков, подполковник Генерального штаба В.М. Куц, командующий Запорожским корпусом полковник П.Ф. Болбочан и другие высокопоставленные военные. Образование нового чрезвычайного органа украинского движения — Директории произошло в здании управления железных дорог в Киеве, где находился узел телеграфной и телефонной связи, что позволило заговорщикам легко координировать свои действия. Все это свидетельствовало об ошибках и ограниченных ресурсах кадровой политики гетмана, невозможности подобрать на ключевые посты лояльных сторонников.

На этом фоне позицию «невмешательства» русских деятелей, по мнению В.А. Друцкого-Соколинского, невозможно было оправдывать соображениями нравственно-этического характера. Обвинения в «сепаратизме» П.П. Скоропадского, крупнейшего «великорусского помещика, свитского генерала и коренного петербуржца», Владимир Андреевич решительно отвергал. 14 ноября 1918 г. гетман подписал «грамоту» (мани-

фест) о провозглашении федерации Украинской державы с будущей небольшеви́стской Россией. В этот же день новым премьером был назначен С.Н. Гербель, бывший имперский сановник и член Государственного Совета, хорошо знакомый В.А. Друцкому-Соколинскому по его губернаторской деятельности [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Правительство гетмана выступило с программой создания широкой коалиции антибольшеви́стских сил, которая включала бы Украину, Дон, Кубань, Терскую область, Грузию и другие государственные образования, возникшие на окраинах бывшей Российской империи. Представители этих образований и Добровольческой армии получили официальное приглашение министра иностранных дел Украинской державы Г.Е. Афанасьева прибыть на «конгресс» в Киев, запланированный на 5 декабря, а затем перенесенный на 18 декабря. В Киеве действовал неофициальный представитель главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) генерал П.Н. Ломновский и открыто шла вербовка офицеров в добровольческие формирования.

Согласно воспоминаниям соратников гетмана и документам Совета министров, кабинет П.П. Скоропадского оказывал белым армиям и их правительствам материальную помощь, используя для этого оставшиеся на территории Украины военные арсеналы и материальные ресурсы бывшей российской армии. Такая поддержка — ее получали Кубань, Дон, Астраханская и Добровольческая армии — осуществлялась втайне от германских оккупационных властей. Противникам большевиков оказывалась и прямая финансовая помощь; так, постановлением Совета министров от 30 ноября 1918 г. Добровольческой армии было выделено 10 млн рублей [Артизов; Иванцова. С. 45]. Ранее такую же сумму получило правительство Дона, а Северная армия, организованная на территории Псковской губернии, в ноябре и декабре получила 3 млн рублей [Там же]. По словам нового премьер-министра Украинской державы С.Н. Гербеля, «ассигнование заимобразно Добровольческой армии и Дону было признано необходимым как для общей борьбы с большевиками, так и для отвлечения большеви́стских сил от границ Украины» [Там же. С. 41]. Согласно воспоминаниям министра внутренних дел и юстиции В.Е. Рейнбота, территория Украины рассматривалась в качестве возможного плацдарма будущего столкновения с большевиками и «похода на Москву». Особое значение имели стратегические запасы продовольствия, которыми гетманское правительство сознательно не спешило поделиться с немцами. Только в Харьковской губернии было предусмотрительно заготовлено более 60 млн пудов хлеба. «Вполне ясно сознавая, что будущее движение на Москву возможно только опираясь на Украину, на Харьковскую губернию, что идти в Москву должно не только с войсками, но и поездами продовольствия, гетманское правительство, выполняя свои договорные обязательства по снабжению оккупантов, не выпустило из названной выше губернии ни фунта сахара, ни пуда мяса, ни вагона муки или зерна». [Воспоминания В.Е. Рейнбота... С. 74]. [2]

Предпринимались попытки политического сближения гетманского режима с крупнейшими центрами белого сопротивления на Юге России. Возникший в Киеве в конце октября 1918 г. Совет государственного объединения предложил Добровольческой

армии организовать единый политический центр, который пользовался бы достаточным авторитетом у союзников и был представлен на будущей мирной конференции. Членами Совета были видные русские политики и государственные деятели, в том числе председатель барон В.В. Меллер-Закомельский, А.В. Кривошеин, П.Н. Милюков и С.Н. Третьяков. Правительство гетмана для установления связи с А.И. Деникиным отправило в Екатеринодар своего представителя — военного юриста полковника П.В. Шидловского, который предложил командующему Добровольческой армией «помощь оружием и снаряжением» [Деникин. Гетманство и Директория на Украине. С. 165].

В критический момент, после начала Ноябрьской революции в Германии и заключения перемирия на Западном фронте, гетманское правительство пыталось вывести Украину из дипломатической изоляции и приобрести новых союзников. В ноябре 1918 г. в Румынии состоялось Яское совещание, созванное с целью обсуждения вопросов о возможной помощи Антанты антибольшевистским силам на территории бывшей Российской империи и выработки общей программы для образования единого фронта. Оно представляло собой «совещание ведущих русских политических организаций, пытавшихся договориться между собой для представления союзникам общих пожеланий» [Артизов; Иванцова. С. 37]. Представители союзников, однако, не имели полномочий от своих правительств для принятия каких-либо решений. Российские представители вручили в Яссах союзным дипломатам свои меморандумы, требования которых не оставляли возможности для компромисса с П.П. Скоропадским и сводились к следующим пунктам: 1) единство России; «никаких независимых государств на ее территории в границах до большевистского переворота; 2) согласованные действия с союзниками в борьбе против большевиков; 3) немедленная помощь Добровольческой армии генерала А.И. Деникина; [...] 5) единое командование, вверенное русскому военному начальнику», под которым подразумевался А.И. Деникин [Там же]. Украинская держава на Яском совещании не была представлена, т.к. представитель гетмана М.М. Воронович не смог добраться до г. Яссы и по дороге, в Жмеринке, был убит петлюровцами. Изоляция Украинской державы, отсутствие поддержки стран Антанты и сил российских белых имели для ее судьбы трагические последствия.

В условиях восстания украинской Директории против гетмана, вспыхнувшего 14 ноября 1918 г., поддержка общерусских сил, сконцентрированных в Киеве, была П.П. Скоропадскому критически необходима. Однако до самой агонии гетманского режима существенной поддержки оказано не было. «Русская служилая аристократия, поступив на гетманскую службу, могла бы быть покойной за этическую сторону своего поступка, каковой никогда не мог бы быть квалифицирован как измена русской идее. Между тем, влившись в правительство гетмана, эти люди опыта и знания дали бы всем, если так можно выразиться, «предприятиям» гетмана ту солидность и вес, которых ему так вообще не хватало. [...] Этого, однако, сделано не было, и в том, по-моему, заключается крупная ошибка русской служилой интеллигенции, оказавшейся тогда во всей своей массе в Киеве» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Наладить конструктивное сотрудничество между Добровольческой армией и Украинской державой П.П. Скоропадского не удалось. Единый антибольшевистский фронт и единое командование, несмотря на наличие общего противника, не состоялись по политическим причинам. В «Очерках русской смуты» А.И. Деникин писал об идейной пропасти, разделившей Украинскую державу и российские общественно-политические и военные силы, выступавшие под лозунгом «единой и неделимой России» [Деникин. Гетманство и Директория на Украине. С. 165]. Отсутствие координации между украинским гетманом, силами Антанты и командованием Добровольческой армии предопределило падение режима П.П. Скоропадского под напором левого националистического движения. Для российского антибольшевистского сопротивления это означало утрату доступа к экономическим и мобилизационным ресурсам украинских территорий, что существенно ослабило позиции Белого движения на Юге России и способствовало поражению в Гражданской войне.

Через два месяца после свержения П.П. Скоропадский без всякого оптимизма говорил о политическом будущем украинских территорий: «С падением гетманщины будут или Петлюра с Винниченко, с его галицийской ориентацией, совершенно нам, русским украинцам, не свойственной, с униатством, с крайней социалистической программой наших доморощенных демагогов, которая, несомненно, приведет к большевизму, или же настоящий большевизм со всеми его последствиями, окончательным разорением того прекрасного края, со страшным усилением российского большевизма!» [Скоропадский. С. 183].

Слова гетмана оказались пророческими: внешнеполитические просчеты руководства Украинской державы и Белого движения способствовали сначала радикализации политического процесса на Украине, открыв путь к власти представителям украинского левого националистического лагеря в лице С.В. Петлюры и В.В. Винниченко, а впоследствии — установлению большевистского режима.

Добровольческая армия

В апреле 1919 г. В.А. Друцкой-Соколинский вместе с семьей прибыл в Екатеринодар. Его путешествие из контролируемого большевиками Смоленска в центр Добровольческой армии заняло пять с половиной месяцев. «На второй же день прибытия моего в Екатеринодар, — писал Владимир Андреевич, — я поступил на службу армии и оставался на этой службе в различных должностях до февраля 1920 г., т.е. почти год. За это время я был свидетелем потрясающего и головокружительного успеха армии, а затем свидетелем столь же быстрого и полного отступления и поражения» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Весна 1919 г. стала для Добровольческой армии «затишьем перед бурей», это время характеризовалось завершением периода изнурительной маневренной обороны и переходом к подготовке масштабного стратегического наступления на север. После успешной ликвидации крупных сил красных на Северном Кавказе командование Воо-

руженных сил Юга России сумело перебросить наиболее боеспособные части в район каменноугольного бассейна, где под руководством генерала В.З. Май-Маевского добровольцы удерживали фронт на линии Мариуполь — Юзовка. Несмотря на численное превосходство большевистских войск, армия сохранила кадровое ядро и, опираясь на захваченные ранее ресурсы Кубани и Терека, а также на начавшиеся поставки снаряжения от стран Антанты через черноморские порты, создала условия для захвата оперативной инициативы. Строились планы глубокого прорыва в направлении Харькова и Царицына, чему способствовала дестабилизация подконтрольной большевикам территории из-за массовых восстаний в тылу Красной армии. К середине весны 1919 г. Добровольческая армия трансформировалась в мощную ударную силу, готовую к реализации «Московской директивы» А.И. Деникина и масштабному расширению подконтрольных территорий. [3]

Вместе с тем стратегическая ситуация ухудшилась из-за положения на Крымском полуострове, где под натиском войск Украинского фронта оборона белых и союзных контингентов в апреле потерпела крах. Согласно воспоминаниям соратника Деникина генерала А.С. Лукомского, «французское командование не присылало в Крым обещанных подкреплений» [Лукомский. С. 88]. Падение Перекопа и последующее занятие большевиками Крыма в течение месяца привело к поспешной эвакуации союзных войск и остатков крымской группировки белых. Этот прорыв спровоцировал масштабный гуманитарный кризис: через черноморские порты на Кубань хлынула волна беженцев, спасавшихся от наступающих большевистских частей. В Новороссийске скопилось несколько десятков тысяч гражданских лиц, что создало колоссальную нагрузку на тыловую инфраструктуру и потребовало от командования Добровольческой армии экстренных мер по организации логистики и снабжения. «Согласно новороссийской портовой статистике, в Новороссийский порт прибыло и осело в городе до 70 000 беженцев, положение коих, ввиду полного отсутствия помещений, малых запасов продовольствия и отчаянных санитарных условий, было поистине трагично. Десятки тысяч этих несчастных, среди коих было много, и даже подавляющее количество, вполне интеллигентных людей, заполняли все портовые эстакады, наполняли площади и улицы города» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Таким образом, к середине весны 1919 г. Добровольческая армия оказалась в ситуации вынужденного стратегического дуализма: готовясь совершить решительный рывок на север для захвата центрально-черноземного района и столицы, она была одновременно обременена необходимостью стабилизации дезорганизованного тыла и защиты линий снабжения. Для ВСЮР административные ресурсы и привлечение опыта профессиональной русской бюрократии были в данном случае критически необходимы. В.А. Друцкой-Соколинский сразу после прибытия в Екатеринодар получил предложение своего сослуживца и бывшего могилевского губернатора А.И. Пильца занять должность столоначальника главноуполномоченного по устройству беженцев из Крыма в г. Армавире [Письмо главноуполномоченного...]. «Эту последнюю должность, учрежденную генералом Деникиным временно, вплоть до ликвидации созданного падением Одессы и Крыма беженского бедствия, А.И. Пильц совмещал со сво-

ими прямыми обязанностями помощника начальника Управления внутренних дел» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...]. С 22 апреля Владимир Андреевич занимал должность помощника А.И. Пильца в Екатеринодаре, а позднее получил новые, более заметные назначения.

В конце мая 1919 г., в связи с наступлением Добровольческой армии на Астрахань, А.И. Деникин назначил главноначальствующим Астраханским краем генерала И.Г. Эрдели. Астрахань была для Белого движения важным стратегическим пунктом, ее занятие позволило бы установить связь с Уральским казачьим войском, а через него и с сибирским правительством А.В. Колчака. В.А. Друцкому-Соколинскому было предложено занять должность управляющего делами (начальника канцелярии) генерала И.Г. Эрдели (приказ А.И. Деникина о его назначении вышел 11 июня 1919 г.) [Выписка из приказа...]. Так Владимир Андреевич на короткий период снова вернулся на губернскую службу.

«Нами было немедленно приступлено к составлению штатов и положения управления краем, а затем я засел за изучение положения об инородцах — калмыков и киргизов, с каковым вопросом я был до того времени совершенно не знаком. Однако через две недели первоначальный проект моей дальнейшей службы существенно изменился: генерал Эрдели оказался назначенным главнокомандующим Терско-Дагестанского края, [...] я же временно должен был оставаться на своей прежней должности по Астраханской области» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Астраханский поход Добровольческой армии в июне 1919 г. оказался неудачным, вторая попытка занять город в июле-августе под командованием генерала Д.П. Драценко также не принесла результата. Крупные и наиболее боеспособные силы Добровольческой армии были сконцентрированы для захвата Царицына, который и был занят генералом П.Н. Врангелем 17 (30) июня. Астрахань признали менее важным, «провинциальным» направлением; большевики получили возможность укрепить астраханский фронт и не допустить захвата города белыми. В связи с этим Владимир Андреевич решил подать в отставку.

В июле 1919 г. Друцкой-Соколинский был назначен на должность начальника канцелярии главноуполномоченного юго-восточного района Красного Креста, находившегося тогда под руководством И.А. Уварова. Вспоминая это назначение, он особо отмечал «совершенно исключительный качественный состав чинов управления Креста.» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Летом 1919 г. значительное расширение территории, подконтрольной Добровольческой армии, привело к необходимости организации обширного аппарата управления на местах. Успехи генерала В.З. Май-Маевского под Харьковом и Кавказской армии барона П.Н. Врангеля под Царицыном, последующее занятие Воронежа, Орла, Киева и Одессы означали переход под контроль ВСЮР многомиллионного гражданского населения, которое нуждалось в восстановлении минимальных условий для мирной жизни.

ни. Командование ВСЮР стремилось максимально использовать профессиональные управленческие кадры дореволюционной России, что совпадало с желанием многих тысяч представителей образованного класса, бежавших от большевиков, поступить на государственную службу. Центром разработки нового законодательства о местном управлении стало Особое совещание — законосовещательный орган при главнокомандующем А.И. Деникине, выполнявший одновременно функции правительства [Деникин. Очерки... С. 276].

«В Управлении внутренних дел также шла особо нервная и напряженная работа: происходило комплектование кадров администрации для освобожденных от большевиков губерний, составлялись и проводились через Особое Совещание штаты, подбирались личный состав. Параллельно с этим разворачивалось новое положение о земских учреждениях, о волостном земстве и городское положение полиции, о гражданском управлении, о государственной страже и т.д.» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

В.А. Друцкой-Соколинский подчеркивает, что от успеха организации гражданского управления на территориях, подконтрольных ВСЮР, зависел без преувеличения успех всего добровольческого движения на Юге России. Но власть повторяла те же ошибки, что и гетманский режим на Украине. В законоположениях Добровольческой армии, с сожалением констатировал Владимир Андреевич, «определенно и очевидно отразилась спешность их начертания», из-за чего они носили эклектичный характер [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...]. Основу местного управления составила децентрализованная областная структура, где «главноначальствующий» (обязательно из числа генералитета) обладал полнотой власти, делавшей его сопоставимым с правителем автономной области, подчиняясь лично главнокомандующему. Изъяном данной модели была утопическая попытка законодателя совместить режим чрезвычайной военной диктатуры с институтами «нормальной» гражданской жизни имперского образца. Игнорировались специфика прифронтовой полосы и глубина социально-психологической трансформации общества, вызванной революцией. По мнению Друцкого-Соколинского, разработчики системы ошибочно полагали, что физическое вытеснение большевистских сил автоматически реставрирует старый правовой и хозяйственный уклад (суд, полицию, городское и земское самоуправление и т.д.), не учитывая фундаментальный конфликт между методами военной диктатуры и функционированием гражданских институтов.

«Положение как бы предусматривало возможность непосредственного следования за наступающей армией мирных условий жизни, защищенной сильной и даже неограниченной властью. Составители положения вообразили, что если батарея снялась с позиции и ушла вперед, то сейчас же, через 10 минут, на эту покинутую ею позицию явится крестьянин со своим плугом, придет пристав, чтобы обеспечить его личную и имущественную безопасность, судья откроет тут же действия своей камеры, чтобы разобрать все его жалобы и прошения и т.д. Законодатель ясно представлял себе идиллическую картину, в которой, в полуверсте от фронта, течет уже старая, спокойная

и нормальная жизнь, составленная из мелких повседневных хозяйственных интересов, мелких обывательских дрызг и сплетен. Законодатель совершенно не учел глубину полученного русским народом потрясения, и потрясения не только хозяйственного и экономического, но и морального, вообразив, что одно изъятие данной местности с театра непосредственных военных действий создает все необходимые условия для процветания нормальной гражданской жизни населения. Законодатель забыл азбучную истину, что нормальная, то есть старого русского имперского склада, гражданская жизнь и военная диктатура — вещи несовместимые» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

«По моему глубокому убеждению, – заключал Владимир Андреевич, — провал ген. Деникина произошел исключительно от слишком преждевременного введения в отторгнутых территориях аппарата гражданской власти мирного времени» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Там, где требовались чрезвычайные органы управления военного времени, белые правительства спешили воссоздать государственные институты дореволюционной России. Власть губернаторов («главноначальствующих»), городские думы и управы, земские учреждения вновь возникали в охваченной Гражданской войной стране, в аграрных районах, наиболее сильно пострадавших от крестьянских восстаний и обыкновенного бандитизма. По словам В.А. Друцкого-Соколинского, «призванная к действию гражданская власть, не имея в своем распоряжении достаточной силы, лишенная денежных средств, средств сообщений и окруженная страшным бандитизмом, развивавшимся в ближайшем тылу армии, была не в силах оберечь и обеспечить покой населения, не говоря уже о полной для нее невозможности приступить к воссозданию всех до фундамента разрушенных былых устоев и условий нормальной жизни» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Идея воссоздания гражданской мирной жизни в ее дореволюционных формах оказалась нереализуемой, в то время как большевики, не имея необходимости следовать нормам формального права, повсеместно использовали в годы Гражданской войны чрезвычайные революционные органы (ревкомы) и соответствующие чрезвычайные методы. За организацию административного аппарата в армии Деникина отвечали представители того же образованного класса «бывших людей», что и в правительстве П.П. Скоропадского в Киеве, — класса, пропитанного идеями русского официального либерализма. Не до конца осознавая глубину произошедших в России социальных перемен, они с систематическим упорством стремились восстановить в прежних формах разрушенное государственное здание, которое неизбежно снова разрушалось.

В.А. Друцкой-Соколинский упоминает кадета Н.И. Астрова, члена Особого совещания, претендовавшего на роль одного из главных идеологов Белого движения на Юге России при А.И. Деникине. В конце 1919 г. он представил главнокомандующему записку «Тезисы о политическом курсе», где предложил официально объявить программу широких социальных преобразований и реорганизовать правительство. И снова речь

шла не о чрезвычайных обстоятельствах военной диктатуры (и не о фигуре диктатора), а о попытке добиться гражданской солидарности и демократических реформах.

«Власть должна неукоснительно принимать решительные меры в области социальных реформ на демократических основаниях, — писал Астров в записке Деникину. — Эти реформы, среди которых на первом месте должна стоять аграрная реформа, должны установить связь власти с разными слоями населения и по преимуществу с крестьянством, связанным с землей, со всеми элементами, занятыми производительным трудом в области промышленности и торговли, со служилым элементом, с городским населением, с его мещанством и мелким ремесленничеством. Опора на одну какую-либо часть населения и отбрасывание всего остального населения было бы непоправимой ошибкой, которую и использовали бы враги новой власти» [Деникин. Очерки... С. 277].

Идеальная для дореволюционной России, эта программа в 1919 г. была уже совершенно невыполнима. По словам А.И. Деникина, высказанным в «Очерках русской смуты», правительству Юга России предстоял выбор между либерализмом, консерватизмом или «левой политикой правыми руками» — политикой, «которая была испытана впоследствии в Крыму другими лицами без особого успеха» [Деникин. Очерки... С. 278]. Либеральные идеи доминировали в профессиональной бюрократической среде, их разделял и сам главнокомандующий ВСЮР. Однако «либеральная общественность сочла для себя бремя власти непосильным и, предлагая известный политический курс, в то же время не давала своих людей, которые могли бы проводить его в жизнь. Очевидно, и не могла дать, так как, по признанию видных ее деятелей, помимо внутренних расхождений, в этом лагере было очень мало людей, которые революционному разложению и распаду могли бы противопоставить понятную всем организующую силу» [Там же. С. 279]. Без авторитетных лидеров и эффективного аппарата принуждения на местах либеральная идея потерпела крах. Альтернативные мнения в Особом совещании в пользу изменения правительственного курса «вправо» и установления военного правления прозвучали лишь в декабре 1919 г., когда белое дело на Юге России было по существу проиграно.

Заключение

В мемуарах Владимира Андреевича Друцкого-Соколинского с документальной точностью запечатлены наиболее драматичные события переломного периода отечественной истории XX в., связанные с Русской революцией и Гражданской войной. Их ценность для исследователя заключена прежде всего в специфической оптике бывшего имперского администратора и профессионального юриста, уделившего пристальное внимание вопросам организации власти и функционирования государственных структур. Главную трагедию русской истории начала прошлого века Друцкой-Соколинский смог объяснить в простой и исчерпывающей формуле: февральский переворот 1917 г. стал возможен благодаря полному и быстрому захвату революционерами «всего правительственного аппарата» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 40]. В годы Гражданской войны, побывав в захваченном большевиками Смоленске, окку-

пированном немцами Минске, гетманской Украине и в центре добровольческого движения на Юге России, автор представил ценные выводы по поводу организации бюрократического аппарата и создал его живой социальный портрет. После эмиграции в Италию в феврале 1920 г. В.А. Друцкой-Соколинский подчеркивал в своих мемуарах ответственность бывшей имперской бюрократической элиты, разделявшей идеи официального либерализма, за несостоятельность административных учреждений на территориях, подконтрольных Добровольческой армии и другим белым правительствам. Ошибки, допущенные при организации центральной и, особенно, местной власти были, по его мнению, среди ключевых причин поражения Белого движения на Юге России.

Оценки В.А. Друцкого-Соколинского отразили очевидный многим современникам «кризис русского либерализма» и совпали с мнениями других видных свидетелей эпохи и участников белого движения. Генерал А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» отмечал общее для всех белых режимов явление, независимо от их политической ориентации, официальных деклараций и состава участников: «Первые же шаги насаждения государственного строя на обломках прежнего, поросших большевизмом, различаясь внешними формами, большей или меньшей радикальностью и демократизмом содержания, худшей или лучшей организацией — имели везде одну, проникавшую существо их черту: они направляли народную жизнь в старое русло». Расчет лидеров белых на то, что «над страной пронеслась только буря, опрокинувшая, изломавшая реальные ценности, накопленные веками, трудом и разумом поколений, а не наступил глубокий процесс, переродивший духовную природу и психологию нации», оказался ложным [Деникин. Очерки... С. 287].

В.А. Друцкой-Соколинский сформулировал и свое видение будущего России, преодолевшей большевизм. Прекрасно осознавая отдаленность подобной перспективы в годы своей эмиграции, он, тем не менее, считал ее абсолютно неизбежной. Опираясь на собственный опыт русского администратора, он придавал решающее значение вопросам государственной организации в деле будущего социального обновления и возрождения страны. Основой будущей России в его представлении должна была стать не только властная «вертикаль», но и гражданская консолидация общества на низовом уровне. Идеальной моделью такой консолидации он видел церковный приход. По его словам, это подтвердил опыт Добровольческой армии, которая смогла установить наиболее прочную связь с гражданским населением и заручиться поддержкой в тех районах, где была восстановлена полноценная церковная жизнь. На более высоком уровне подлинным центром консолидации общественных сил и интересов должен был стать уезд, с возрождением действовавшей в России до революции земской системы самоуправления, наделенной достаточно широкими полномочиями. «Полагаю, что в будущей России весь центр тяжести должен будет, несомненно, лечь на уездную общественную организацию, скромную, экономную и неутомимо деятельную. И этой организации надо дать полную деловую свободу, полное доверие и поддержку национальной государственной власти. Губернскую же (или областную) общественную организацию надо будет терпеть как нечто неизбежное, как общественную трибуну, столь

необходимую для вечно мятущейся и кипящей русской души» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 142].

Что же касается представителей старой административной элиты, особенно деятелей кадетской ориентации, во множестве оказавшихся в эмигрантском рассеянии, бывший губернатор В.А. Друцкой-Соколинский не доверял этим силам и не считал их способными к созидательной государственной работе. Лишь опора на сильные и самодостаточные общины на местах могла бы стать, по его словам, надежным фундаментом новой национальной власти.

Примечания

1. «Во время войны законы безмолвствуют» (лат.).
2. Источники подтверждают провал германской и австрийской политики использования продовольственных ресурсов Украины в 1918 г. Оккупантам удалось вывезти лишь незначительную часть из 60 млн пудов (1 млн тонн) хлеба, предназначенного для Центральных держав по Брестскому договору. См. Stachel, A. The consequences of the treaty of Brest-Litovsk for the 1918 UPR in German and Austrian historiography. *Foreign Affairs*, 32(3), 2022. P. 37-43.
3. «Московская директива» — приказ главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала А.И. Деникина от 20 июня (3 июля) 1919 г., который провозгласил конечной целью наступления белых армий взятие Москвы.

Литература

- Артизов А.Н.; Иванцова О.К. Гетманат П.П. Скоропадского как историческая, историографическая и источниковедческая проблема // Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: Сборник документов. М. 2014. С. 22-62.
- Воспоминания В.Е. Рейнбота о его пребывании в должности товарища министра внутренних дел, министра внутренних дел, а позже министра юстиции в составе правительства гетмана П.П. Скоропадского. Не ранее 31 декабря 1918 г. // Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: Сборник документов. М. 2014. С. 64-133.
- Выписка из приказа Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России по общему управлению 11 июня 1919 г. / Архив семьи князей Друцких-Соколинских.
- Деникин А.И. Гетманство и Директория на Украине // Революция на Украине по мемуарам белых. М.-Л. 1930.
- Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 4. Берлин. 1925.
- Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 5. Берлин. 1926.
- Друцкой-Соколинский В.А. Воспоминания 1918–1919 / Рукопись. Архив семьи князей Друцких-Соколинских.
- Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914–1918. М. 2010.
- Керенский А.Ф. Декларация прав солдата. М. 1917.
- Лукомский А.С. Деникин и Антанта // Деникин. Юденич. Врангель: мемуары. Сост. С.А. Алексеев. М.-Л. 1931.

Письмо генерала М.В. Алексева военному министру А.Ф. Керенскому о состоянии армии, май 1917 г. / ГАРФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 482.

Письмо главноуполномоченного по устройству беженцев, помощника начальника Управления внутренних дел А.И. Пильца В.А. Друцкому-Соколинскому 2 апреля 1919 г. / Архив семьи князей Друцких-Соколинских.

Приказ Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России по общему управлению 12 июля 1919 г. / Архив семьи князей Друцких-Соколинских.

Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы. М. 1957.

Скоропадський П.П. Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. Київ; Філадельфія. 1995.